

Часть первая

Пролог

...Ведь не отцовской рукой была введена она в дом мой,
Где ассирийских духов брачный стоял аромат.
Маленький дар принесла она дивною ночью, украдкой
С лона супруга решаешь тайно похитить его.
Я же доволен и тем, что мне одному даровала
День обозначить она камнем белее других¹.

Июнь, 63 г. до н. э.

Приветствую тебя, брат мой!

На какой забытой и заброшенной скале Малой Азии найдут тебя эти строки?

Как мало нам теперь известно друг о друге! Читая твое послание, я чувствую, как ностальгия ласково обнимает меня за плечи, жажду услышать твой смех, увидеть твой укоризненный взор и не могу поверить, что твое отсутствие вдребезги разбило нашу детскую дружбу.

Интересно, каким тебе видится наше детство, Люций? Мне оно представляется сонным и счастливым. Пожалуй, так всегда бывает с младшими братьями.

¹ Здесь и далее: Гай Валерий Катулл Веронский. Перевод С. В. Шервинского.

И еще это особенно справедливо в отношении поэтов.

Не странно ли, что ты помнишь меня во младенчестве и слышал мои первые слова, тогда как для меня все это покрыто мраком?

Откровенно говоря, я завидую тому, что у тебя есть воспоминания; в отличие от меня, в твоей памяти сохраняется образ нашей матери и то, как она с обожанием смотрела на тебя. Недавно я где-то прочел, что страусиха-мать порождает жизнь в своих детенышах, всего лишь устремив любящий взор на яйца. А те из них, что были лишены ее внимания, становятся тухлыми, и из них уже никогда не выводятся цыплята. Я надеюсь избежать подобной участи, хотя наша мать умерла, когда принесла меня в этот мир, оставив твоему заботливому попечению.

Интересно, теперь ты сможешь догадаться, что стало причиной столь трогательного приступа ностальгии? Или где я сижу, когда пишу это письмо?

Да! Отец наконец-то внял моим назойливым мольбам и согласился отправить меня в Рим. На тот случай, если ты забыл, в этом месяце мне исполнилось восемнадцать. Пришло время и мне занять свое место в сердце империи.

Дорога заняла десять дней, и за все это время со мной не случилось ничего примечательного. Отец постарался сделать так, чтобы я путешествовал со всеми возможными удобствами и в самое мягкое время года, дабы ничто не угрожало моей якобы слабой груди (да-да, все тот же злосчастный и неизменный повод, чтобы отказать мне в возможности поиграть на свежем воздухе).

Подобно драгоценному камню, запечатанному в шкатулке, я прибыл в Рим в целостности и сохранности. Но стоило мне вступить в город, как мое чувство самоуважения треснуло и раскололось, подобно жуку, раздавленному ногой случайного прохожего.

У городских ворот нас заставили выйти из кареты, и мне пришлось помогать в переноске нелепых и смешных плете-

ных корзин с моими пожитками, после чего мы смиренно двинулись дальше пешком. И никто даже не обернулся, чтобы поприветствовать меня, маленького владельца Сирмионе¹, пока я шагал мимо величественных дворцов и замкнутых высокомерных личностей, что уничтожили мою гордость, презрительно раздавив ее большим пальцем.

В один миг лишившись всей своей претенциозности, я превратился в ничто, в жалкое и незаметное создание с постыдными тайнами. Наивность крупными каплями пота стекала с моего чела, а жилы мои вздулись и затрепетали, пока я жадно впитывал зловоние и неумолчный шум улиц под холодными, как мрамор, взглядами женщин, далеких и неприступных, словно балконы и галереи.

Мой новый дом — взятый в аренду у Марка Красса² — оказался чудесной виллой, расположенной в двух шагах от синевато-багровых вод Тибра. Первым же делом я отправил обратно к отцу в Верону тех слуг, что сопровождали меня в пути из Сирмионе. Скорее всего, они были его шпионами, но, что гораздо хуже, они лицеизрели мое неожиданное низвержение и превращение в полное ничтожество.

Отправив их восвояси, я поднял голову и втянул ноздрями насыщенный ароматами соленый воздух. Близилось лето, в домах состоятельных патрициев пылали костры, на которых готовились всевозможные угощения, и меня уже ждали многочисленные приглашения. Городские друзья нашего отца вознамерились проявить щедрость.

Сам Цезарь снизошел до того, чтобы оказать мне свое покровительство. Его дом я посетил одним из первых (постаравшись не глазеть слишком явно на его роскошное убранство).

¹ Сирмионе (*итал.* Sirmione) — город в итальянском регионе Ломбардия, в провинции Брешия.

² Марк Лициний Красс (115—53 гг. до н. э.) — древнеримский полководец и политический деятель, триумвир, один из богатейших людей своего времени.

Он оказал мне (или, точнее, нашему *pater*¹) честь, выступив вперед, дабы приветствовать меня, чтобы все могли видеть, что я достоин уважения. Коротко пожав мне руку, он на мгновение задержал ее в своей ладони и пристально взглянул мне в глаза, так что я зарделся и вынужден был отвести взгляд.

— Кто ты есть на самом деле? — задал он мне странный вопрос.

Теперь, узнав его получше, я понимаю, что это было совершенно в его духе. Цезарь всегда стремится проникнуть в самую суть, не обращая внимания на все наносное и эфемерное, включая молодость, приятную внешность или чувство юмора. Он не видит прекрасного в обыденных, мелких событиях, а пишет великую эпическую поэму, строя будущее по своему собственному разумению. Только представь себе его амбиции — избранный претором², он стремится еще выше, — и сравни их с моими жалкими стишками!

Тем не менее ему хватило такта не рассмеяться мне в лицо, когда я заявил ему, что я — поэт и намерен достичь величия. Вместо этого он склонил голову к плечу и долго и пристально рассматривал меня. Взгляд его больших серых глаз охладил мой пыл, но, когда через несколько мгновений мне было даровано позволение удалиться, я тут же выбросил Цезаря из головы. Я присоединился к гулякам и балагурам, чтобы показать и тем и другим, чего стою.

Меня не одолевает тоска по дому (во всяком случае, такое случается очень редко). Я вошел в городскую жизнь столь же естественно, как розмарин — в поджаристую корочку сви-

¹ Pater — отец, батюшка (*лат.*).

² Претор (*лат. praetor*) — государственная должность в Древнем Риме. В период ранней римской республики (после упразднения царства) преторами именовали две высшие магистратуры — консулов и диктаторов. С 367 г. до н. э. верховное должностное лицо именовали «консулом», а термином «претор» обозначали следующую по старшинству должность, при этом его основной компетенцией стало совершение городского правосудия по гражданским делам. В отсутствие консула претору принадлежала высшая власть.

нины. Тем не менее иногда я все еще ощущаю себя чужаком. Да, я понимаю, что отныне мы все стали гражданами Рима. И не имеет никакого значения, что наши владения в Вероне убегают за горизонт, что наша родословная уходит в глубину веков, а богатство передается из поколения в поколение. Временами я чувствую себя жалким провинциалом.

Признаюсь тебе, иногда мне по-прежнему случается совершить *faux pas*¹, как в ту душную ночь в доме Цезаря, когда я опустил кусочек льда в свой кубок с красным вином, и шестеро других гостей, присутствующих за ужином, ушли домой неприлично рано. Ох уж эти римляне! При воспоминании об этом меня до сих пор пробирает дрожь. Имей в виду, к тому времени я уже настолько набрался, что на следующий день ничего не помнил. Когда мне рассказали об этом, я схватился за голову и застонал, потому что из-за таких вот идиотских поступков в Риме можно на всю оставшуюся жизнь обзавестись унижительным прозвищем. Меня трясло при мысли о том, что в вечности я могу остаться под именем Ледяного Человека или Прохладительного Напитка. Как бы то ни было, думаю, что именно после этого случая я всерьез взялся за рифмоплетство, намереваясь прославиться чем-нибудь *куда более* значимым.

Да, я все еще мечтаю о том, чтобы написать книгу. Пока, правда, я стал знаменит кое-чем иным. Наши юношеские дурачества на берегу озера Бенакус² сослужили мне добрую службу. Лишь недавно прибыв в Рим, я уже стал звездой обществ «Эмилианские шашки» и «Любители плавания», и за мной числятся славные подвиги: я раскачивался на потолочных балках и переплыл Тибр, держа над головой кошку. Тварь исцарапала мне запястье, и кровь моя смешалась с водами

¹ Ложный шаг, оплошность (*фр.*).

² Озеро Гарда (в эпоху Древнего Рима — озеро Бенакус или Бенакское озеро, что в переводе означает «благословенное») — самое большое озеро в Италии, расположенное вблизи южного подножия Альп в котловине ледниково-тектонического происхождения.